

Арс. И. ВВЕДЕНСКИЙ

Сатира Щедрина

<Фрагменты>

<...> Среди знаменитых писателей наших Салтыков принадлежит к тем, которые с полным правом могут гордиться своим влиянием на общественную мысль. <...>

За Салтыковым утвердилось название «знаменитого сатирика нашего». Сатира, при всей ее художественности и при могущественном влиянии на читателя, всегда почти бывает — да едва ли и может не быть — односторонним изображением жизни. Рисуя перед читателем уродливый образ, прямое противоречие идеалу, она прямо имеет в виду наиболее оттенить именно уродливые черты его. Человек всегда остается человеком, и никакие влияния не могут вполне стереть в нем глубоко человеческих чувств и помышлений, а только заносят их житейскою грязью и всяким сором себялюбивых побуждений. Человек может быть испорчен, но остается все-таки человеком, и в глубине душевной, под наносным сором, в нем всегда будет жить способность к лучшим движениям человеческим. И если бы не существовало этого основного свойства человеческого, если бы, по крайней мере, человек утратил веру в него, жизнь потеряла бы всякую цену. Сатира сама обязана своим существованием именно этой вере в человека, потому что иначе не было бы никакого смысла в ней: зачем было бы обращаться к людям, указывать им на те уродливости, которые привила к ним суровая жизненная борьба, если считать их неспособными отозваться на благородный голос обличения? При всем том дело сатиры — показать только эти уродливости, возбудить отвращение к ним, негодование. При этом способе изображения жизни многие черты ее ускользают от внимания сатирика и читателя его. Есть другой способ отрицательного отношения к жизни — способ юмористический. Юморист тоже смеется над уродливостями жизни, но смеется «сквозь слезы», с чувством не отвращения к ним, не с на-

смешкой, а с глубоким сожалением попорченной человеческой личности. По самому свойству своего отношения к жизни и явлениям ее он рисует читателю не одни только эти уродливости, а и глубоко человеческие свойства, лежащие в основании их, показывающие, что при других условиях, под более благодетельными влияниями, они выразились бы не в этих существующих уродливых формах. Юмор — это высший род сатиры; он не делает изображения жизни односторонним, он захватывает все: и внешние формы, и внутреннее содержание, и все основы и первых и второго. Очевидно, что понимание жизни и причин извращения ее дается в несравненно большей степени юмористическим, чем сатирическим изображением жизни.

Если несомненно, что многие произведения Салтыкова носят характер преимущественно сатиры, то, с другой стороны, также несомненно, что другие его произведения возвышаются до художественно-юмористического объективного отражения жизни. К таким именно произведениям принадлежат «Господа Головлевы». Салтыков в этом произведении гораздо более бытописатель нашей жизни, чем просто сатирик. В «Господах Головлевых» он показал необыкновенную мощь художественного таланта и яркими штрихами очертил крупнейшие типические свойства всей нашей жизни.

<...>

«За рубежом» — произведение одного из тех писателей, которые силою своего таланта в течение всей своей литературной деятельности вносят в общество сознание окружающих зол, зовут его к свободе мысли и совести, учат ненавидеть и презирать зло. Превосходный ценитель и анализатор нашей деятельности, Щедрин, произведения которого нужно будет впоследствии читать с историей в руках, — до такой степени невероятно тяжелы и непонятны для наших потомков будут времена, которые мы переживаем, — Щедрин отражает в своей сатире «За рубежом» всю горечь и «уныние», отравляющие жизнь современного русского человека. «Русский гулящий человек, — говорит он, — всего больше должен опасаться одиночества. Одиночество дает человеку поблажку мыслить — вот в чем беда. Мыслить, то есть припоминать, ставить вопросы, а буде не пропала совесть, то чувствовать и уколы стыда, так что в результате непременно получится какое-то гложащее уныние. Это уныние приведет к нулю всю работу мысли; оно парализует возможные решения, заслонит всевозможные перспективы и будет бесполезно раздражать...»

Читая эти грустные строки, каждый невольно спросит: неужели же нужно бояться мысли? Неужели так печальны результаты ее? Мысль, по-видимому, должна бы не парализовать, а вызывать

решения; не заслонять, а открывать перспективы. Но так спросит только будущий читатель. Мы же с вами хорошо понимаем и на себе испытываем, что так совершаются многие жизни у нас, «в среде, где нет ни подлинного дела, ни подлинной уверенности в завтрашнем дне». Действительно, в такой среде мысль играет печальную роль, служит источником невыразимых нравственных страданий. Возможно ли для человека, ясно понимающего совершающуюся кругом вакханалию невежества, недобросовестности и лжесвидетельства, оставаться спокойным и бесстрастным свидетелем ее; возможно ли для него искать выхода, следовательно — мыслить и действовать? Но, с другой стороны, возможно ли у нас честно мыслить и действовать, не рискуя ежеминутно быть поглощенным невежеством, недобросовестностью, лжесвидетельством? И вот, если вы предаетесь заботе о вашей, по выражению Щедрина, «шкуре», если вы не хотите быть поглощенным, вам остается одно, чтобы первенствующая роль в вашей жизни досталась «пустякам и праздному мельканию».

<...>

Понятно, что там, где жизнь слагается под бременем массы пустяков, «никакие твердые общественные устои не могут быть мыслимы». Понятно также, что такая жизнь обращает сны, подобные виденному и описанному автором, в действительность, и действительность — в тяжелый и удушливый сон. Действительность — сон этот — «Торжествующая свинья». Автор видел *Свинью*, разъезжающую, с блестящей щетиной, и *Правду*, особу, которой по штату полагается быть вечно юною, но уже изрядно побитую, прикрытую, по распоряжению начальства, лохмотьями, сквозь которые просвечивает классический полный мундир, т. е. нагота...

Читая сатиру Щедрина, невольно и неотразимо чувствуешь невыносимую боль за человека, которую она проникнута, невольно подчиняешься сильному и страстному голосу, зовущему понять и осмыслить нравственную приниженность нашего общества и бороться против нее. <...>

Страстное восклицание: «Гордись, гордись, человек, своим высоким призванием!», вырвавшееся из души гениального представителя возникавшей в нашем обществе критической мысли, может быть, не вызовет на уста его улыбки сомнения; и во всяком случае в сатире Щедрина ему послышится страстный призыв: «Мужайся, человек!»

Так, и только так, мы можем и должны понимать значение сатиры Щедрина; только этот призыв и можно видеть в ней, потому что, возможно ли, мыслимо ли, чтобы один из лучших сынов нашей родины, один из талантливейших представителей нашей литерату-

ры и общественной мысли, изображая русское горе, охватывающее наше отечество от центра и до дальнейших пределов его, хотел этим сказать: «Смирись, бессильный и слабый человек, пойми нашу общую беду и откажись от всякой борьбы с ней!» Не так мыслит и говорит человек, имеющий гражданское мужество бросить в глаза обществу и торжествующему в нем злу горький и страстный упрек за пренебрежение к истине и человеческому праву, за попрание лучших стремлений мысли человеческой, за огрубение в эгоизме и самомнительном сне и безмыслии.

Вся литературно-общественная деятельность Щедрина проникнута животворною и гуманною мыслью, страстным призывом к мужественному исканию света и правды в общественной жизни. <...> С удивительною чуткостью относясь к жизни, отзываясь на появляющиеся в ней течения, сатирик последовательно и знаменательно отражал их в своих произведениях. Перед глазами общества одни за другими прошли все элементы нашей общественной жизни, получавшие временно преобладающее влияние в ней: «ташкентцы», «помпадуры», Разуваевы и проч., с их мировоззрениями и инстинктами, с их значением в общем течении наших дел. Сатирик не только отражал действительность, существующую, но и умел на основании возникающего в обществе течения мысли предугадать, предсказать те последствия, которые будут результатом ее. Сколько осмеянных им мыслей и «проектов» впоследствии осуществилось, сколько общественных невзгод, им указанных, уже после получало полное развитие.

<...>

Столько раз уже говорилось о чрезвычайной чуткости Щедрина к вопросам времени. Но мало говорилось о другом свойстве этого писателя, именно о том, что мелочность вопросов, являющихся в его сатирах, не уменьшает силы его произведений. В них есть нечто широко идейное, рядом с вопросами дня. Видали ли вы пейзажи великих мастеров, особенно прошлого, и заметили ли вы в них чудное свойство: перед вами картина природы, ограниченная в пространстве, но, странно, вы невольно и неотразимо чувствуете, что это ограниченное пространство есть только часть бесконечного и вечного, что оно только частное отражение великого мира. Вот это же самое вы постоянно чувствуете в великих произведениях словесного искусства, сознаете связь частной картины человеческой жизни с чем-то общим, с великими идеями, лежащими в основе движения в жизни к вечному совершенству. То же вы чувствуете, читая Щедрина; по видимому, осмеиваемые им типы людей и нелепые жизненные факты

так мелочны, так ничтожны, часто вопросы общественной жизни, захватываемые его сатирой, по-видимому, так преходящи с точки зрения общих идеалов, так временны; но сквозь эту внешность всюду светят и чувствуются широкие и мощные общие идеалы, лежащие в основе чувств и горестных мыслей сатирика.

В печати уже достаточно прокричали о будто бы скабрёзности начала «Пошехонских рассказов». Допуская даже некоторую долю справедливости в адресованных сатирику по этому поводу упреках, мы остановимся на другой стороне дела, умышленно затоптанной одними и близоруко непонятой другими. Дело в том, что в «Пошехонских рассказах» не одни «крутые слова», а присутствует и острый смысл. Та «скабрёзность», на которую набросились, есть гораздо больше простое отражение скабрёзности той жизни, которую автор сатирически изображает, и «крутые слова» сатиры свидетельствуют только о силе несдержанного негодования автора (мы признаем, что сдержанное негодование было бы и сильнее и целесообразнее, да оно и не подало бы повода к злостным истолкованиям).

«Второй вечер» «Пошехонских рассказов» отличается характером совершенно скромным и к злостным толкованиям повода подать не может. Смысл их современен, отвечая на стремление иных элементов нашего общества и печати к прошлому, с целью избыть из жизни новые требования и идеи, с этим прошлым не ладящие. Сатира отвечает также на тот вечный упрек не одному автору нашему, что он изображает все изнанку да изнанку, каковое изображение и «для начальства неприятно, да и по существу неправильно», игнорируя то обстоятельство, что рядом с «изнанкой», рядом с Фейерами, Прыщами, Угрюм-Бурчевыми, Деруновыми и Разуваевыми, существуют Правдины, Добросердовы и Здравомысловы. Сатирик сознается откровенно, что ему и в голову не приходила мысль о существовании Правдиных и пр., и «не потому не приходила, чтоб он игнорировал или презирал этих людей, но потому, что ему всегда казалось, что они и сами на себя смотрят сомнительно, как будто не знают, действительно ли они люди, а не призраки»... И не мудрено, что так «казалось сатирику». Каким образом, — говорит он, — могут они (Правдины) смотреть на всевозможные бесчинства необузданных дикарей (Скотининых) и ограничиваются только тем, что пробормочут *в сторону* номенклатуру происходящих перед их глазами гнусностей. Автор признавал это неестественным, и видя, что эти гг. Правдины «бродят без пользы по свету, получая присвоенные *никого не трогающим* людям чины и ордена», считал их сомнительными. Теперь сатирик желает «исправиться и все написанное испра-

вить», присоединив к коллекции собранных им прежде типов и типы добродетельных Правдиных для полноты общественной картины. И он дает эти «положительные» типы нашей общественной жизни: городничих бессребреников, взяток не берущих и всего в изобилии имеющих, предводителей дворянства прежнего времени, станowych приставов и других чинов «уездной чиновной иерархии». Каковы эти «положительные типы», читатели узнают, конечно, из самой сатиры, которую они прочтут, разумеется; мы же приведем здесь один образчик городничего-бессребреника.

«Один городничий говаривал:

— Я одной рукой беру, а другой отдаю, — разве это взятка?

— Как же это выходит у вас, Христофор Иванович? — спрашивали, однажды, сослуживцы, которые обеими руками брали и ни одною не отдавали.

— Очень просто, — ответил он. — Сейчас деньги получу и сейчас же на них какое-нибудь произведение куплю. Стало быть, что из народного обращения выну, то и опять в народное же обращение пущу.

И когда все подивились его мудрости, то прибавил:

— То же самое, что казна делает: с мужиков деньги берет да мужикам же их назад отдает.

С тех пор в городе Добромыслове никто не говорил: брать взятки, а говорили: пускать деньги в народное обращение».

Таков один из «положительных» типов — городничего-бессребреника. Порадуйтесь, читатели, вместе с Щедриным, что есть в нашем отечестве Правдины, что Щедрин «исправился и исправил свои произведения». В этой сатире, быть может, уступающей другим по значительности содержания, тем не менее с обычной рельефностью и силою высказана мысль и отмечено несколько печальных черт нашей жизни. Но что всего значительнее — это своевременность высказываемой мысли, которая, будучи высказана в рельефных образах, Бог даст, вразумит несколько человек, не видящих за красивыми фразами наших «охранителей» существенного безобразия многих стремлений. Неужели по прочтении сатиры Щедрина кто-нибудь захотел бы воротиться к этим древним порядкам, при которых возможны были эти «бессребреники» и «пускание денег в народное обращение», от которых наше общество если не вполне, то до некоторой степени освободилось с введением новых форм жизни, во многом несовершенных, но несравнимых с прежней судебной и административной казенщиной. Впрочем, сатира Щедрина относится не к прошлому только: из этого про-

шлого еще чрезвычайно многое крепко стоит против чаяний новой жизни.

«Вечер пятый» «Пошехонских рассказов» — «Пошехонское дело», — бьет по очень больному месту русской современности, когда «все жалуются и вопиют, что “фраза” заела нас, когда все настаивают на ее истреблении, и все, на ее место, предлагают такую же фразу!» Сатирик слышит возгласы: «Прочь мечтания, прочь волшебные сны, прочь фразы, пора, наконец, за дело взяться!» В чем же дело заключается, за которое пора взяться, — об этом никто не говорит. И вот автор, основываясь на том, что «представление о “деле” несколько не новость в истории нашей цивилизации», ищет ответа, что же такое разумелось прежде и разумеется теперь под именем «дела». Перед читателем встает изумительная картина пошехонской страны того времени, когда она «из конца в конец кипела слезами и потом» и когда «дружинники не только понимали, в чем состоит “дело”, но и умели разделить его на две части: сами взяли в руки жезл, а аборигенам предоставили проливать пот и слезы»... Представлен и образчик современного человека дела. <...>

Сатирические очерки Щедрина «Пошехонская старина», «Жизнь и приключения Никанора Затрапезного» представляют собою новое доказательство необыкновенной разносторонности таланта знаменитого русского сатирика. Помнится, в конце шестидесятых или в начале семидесятых годов по поводу сатир Щедрина появилась статья, озаглавленная словами: «Свежая струя в русской литературе». С тех пор прошли долгие годы, и в течение этих долгих лет почти каждое новое произведение знаменитого сатирика вносило новую, все новую струю. <...> Проходят новые годы, а новые произведения Щедрина вновь вызывают представление о еще нетронутых силах авторского вдохновения, способных дать оригинальнейшие произведения, которых ни формы, ни содержания предугадать невозможно.

«Пошехонская старина» принадлежит именно к таким произведениям автора, которые, при всей своей связи с предшествовавшими, вместе с тем отличаются оригинальнейшими сторонами и особенностями. Между сатирами, написанными Щедриным, есть и такие, которые бичуют исключительно смехом, и такие, которые налагают клеймо позора; есть и чисто лирические негодующие порывы, и слезы даже не сквозь смех, и смех совсем не сквозь слезы; есть сатиры, запечатленные такою субъективностью, что автора невозможно бы, кажется, и представить себе с большей или меньшей объективностью описывающего явления окружающей жизни. А между тем «Пошехонская старина» с первого же взгляда поражает таким почти

объективным описанием ушедшего в вечность помещичьего быта, что это описание возможно сопоставлять с картиной помещичьей жизни в «Сне Обломова» Гончарова — писателя, как известно, зачисляемого в разряд по преимуществу объективных.

В первых главах «Пошехонской старины» Щедрин рисует важнейшие стороны семейной жизни нашего, еще далеко не давнопрошедшего времени. Полны и резки эти характеристики, автор делает их не с тем спокойствием, с которым они сделаны, например, в «Сне Обломова», а с сдержанным негодованием. Изображая быт, создавшийся на почве крепостного права, автор говорит: «С недоумением спрашиваешь себя: как могли жить люди, не имея ни в настоящем ни в будущем иных воспоминаний и перспектив, кроме мучительного бесправия, бесконечных терзаний поруганного и ниоткуда не защищенного существования? и, к удивлению, отвечаешь: однако ж жили! И что всего удивительнее, об руку с этим сплошным мучительством шло и так называемое пошехонское “раздолье”, к которому и поныне не без тихой грусти обращают свои взоры старички». Но, характеризуя так прошлое, автор не преминул заметить, что хотя крепостное право и снесли на погост, но что на могиле для наших времен «выросло нечто — не особенно важное». «Ибо, — говорит автор, — хотя старая злоба дня и исчезла, но некоторые признаки убеждают, что, издыхая, она отравила своим ядом новую злобу дня и что, несмотря на изменившиеся формы общественных отношений, сущность их остается нетронутою».

Но — Боже мой! — какие печальные картины жизни встают перед читателем в изображении этого прошлого, отравившего своим ядом и настоящее. Даже чисто физическое воспитание, кормление, вошедшее в славу задолго до олицетворения настоящей русской дворянской маменьки в госпоже Простаковой, — даже физическое воспитание, как оно изображается автором, должно было действовать убивающим образом на развитие и физическое и нравственное. Описание выходит до такой степени поражающе, что сам же автор предвидит возможность, естественность возражения. «Но вы описываете не действительность, а какой-то вымышленный ад! — могут сказать мне (говорит автор). Что описываемое мною похоже на ад — об этом я не спорю; но в то же время утверждаю, что этот ад не вымышлен мною. Это “пошехонская старина” — и ничего больше. И, воспроизводя ее, я могу, положила руку на сердце, подписаться: с подлинным верно».

Картины воспитания «нравственного» производят еще более удручающее впечатление. Семейная разладица, разделение детей

на любимых и постылых, ранние мечты детей о том, кому что останется от маменьки, — все это в злобещих очертаниях проходит перед читателем. И невольно встает перед ним вопрос: да как же в самом деле возможно жить, не имея в воспоминаниях даже о детстве, об этой наиболее безгрешной и чистой поре существования, ничего, кроме ужасов бесчеловечия? Неужели же, наконец, мать-природа, чувство которой прирождено человеку, не смягчала, не скрашивала этих гнетущих впечатлений? Но сатирик предусмотрел и этот вопрос; и вот что он пишет о влиянии на душу ребенка природы в «Пошехонской старине». «Бывают счастливые дети, — говорит он, — которые с пеленок ощущают на себе прикосновение тех бесконечно разнообразных сокровищ, которые мать-природа на всяком месте расточает перед каждым, имеющим очи, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать... Что касается до нас, то мы знакомимся с природой случайно и урывками, — только во время переездов на долгих в Москву или из одного имения в другое. Остальное время все кругом нас было темно и безмолвно...» И это действительно ужасное, ненормальное и бедное впечатлениями существование автор признает типическим общим для «пошехонской старины».

<...>

«Пошехонская старина», эта последняя «сатира» Щедрина, в сущности не представляет собою того, что разумеется под словом «сатира». Автор не глазами сатирика смотрит на явления быта, изображаемого им, и это тем более понятно и закономерно, что быт этот, если и оставил еще в наследство нашему времени нечто, то во всяком случае принадлежит невозвратному прошлому. Не глазами сатирика смотрит он, и во всем его произведении разлит тот юмор, что поистине представляет собою «незримые слезы», то чувство глубокого сожаления к поспранию в человеке образа и подобия Божия, которое исключает одностороннее обличение и делает изображение жизни многостороннее и объективнее.

В огромной картине, нарисованной автором, перед нами униженные и унижающие, оскорбленные и оскорбляющие, лишенные права на человеческое существование и вооруженные не только правом, но и произволом; но любопытно то обстоятельство, что счастливых, истинно человечески живущих и чувствующих нет между теми и другими, — и это глубоко верно. Крепостнический произвол одинаково гнетом ложился, должен был ложиться как на угнетаемых, так и на угнетающих, потому что раз сила являлась решающим моментом в жизни, вытесняя право, то на каждого сильного находились еще более сильные, и возникала круговая порука насилия и произво-

ла. Знаменитый «сатирик» ставит перед нами целый безбрежный океан бессмысленного несчастья, обыкновенно не сознаваемого, но несомненного. Какая жалкая роль достается на долю, например, теткам Затрапезного, когда они, после гнета на мать его, в свою очередь попадают под ее гнет; как удивительно мучительны для всех участников эти интриги и борьба из-за ожидаемого наследства, которое, однако, проходит мимо всех рук, протягивающихся к нему. Картину жизни, нарисованную автором, можно назвать картиною добровольного самомучения людей, жертв предрассудков и диких понятий, рядом с мучением друг друга. И потому, повторяем, напрасно было бы искать в последней сатире Щедрина какое-нибудь обличение; в ней — скорбное чувство, вызванное в авторе воспоминаниями о печальном складе жизни, приносившем столько несчастья людям, так развращающе действовавшем на них.

